

Йоханнес Мосман

Институт трехчленности социального организма

СОЛНЦЕ И ЛУНА – ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ ИЗ-ЗА УКРАИНЫ И ПУТИ К ЕГО РАЗРЕШЕНИЮ

Чего хочет Россия?

«Со своими 45,7 млн. жителей Украина является единственной страной восточного партнерства, которая имеет выдающееся стратегическое значение для Европейского союза – с одной стороны, как развивающийся рынок сбыта, с другой стороны, как транзитная зона для русского газа.» Это цитата из позиционного документа фонда Фридриха Эберта в 2011 году относительно соглашения об ассоциации с Украиной. Тем самым близкая к SPD мыслительная фабрика имеет в виду «хозяйственную ценность Украины» как поставщика сырья, зерновых и масличных растений с одной стороны (Украина располагает наибольшей посевной площадью на континенте, она третий по объему экспортер зерна в мире и зерновая житница востока) и как рынок сбыта технологий с другой стороны.

Запад совершенно откровенно преследует на Украине свои экономические цели. Этот факт легко может внушить желание объяснить экономическим мотивом также и интересы России. Но именно это и есть та ошибка, которая может привести мир на грань мировой войны. Постольку поскольку экспорт российского газа и нефти на пути в Среднюю Европу должен пересечь Украину, то Россия, конечно, имеет там свой экономический интерес, но это вторичный фактор. Фонд Фридриха Эберта правильно констатирует: «Если принять во внимание, что торговля с Украиной составляет для России только 2% от всего российского экспорта, а ее экспорт на Украину в основном состоит из газа, становится ясно, что для России интерес представляет не экономический фактор, а политическое и геополитическое влияние и идея постсоветской империи под водительством России.» Во всяком случае, клеймить русскую политику как «империализм» значит все еще мыслить слишком экономически, что мешает понять ее истинные мотивы. Россия шаг за шагом отступила из всех бывших регионов своего влияния, причем, взамен вскоре оказалась окруженной странами НАТО. Так что империализм суть мотив, в котором меньше всего можно упрекнуть Восток. Восток занимает в мире принципиально другую позицию, чем Запад. До тех пор, пока Запад не понимает, к чему стремится Восток, и вместо этого проецирует на него только разновидность собственной логики, не может быть достигнуто никакое взаимопонимание, что, в конце концов, неизбежно приведет к военному конфликту.

Восток

Уже во время непрекращающихся в западных СМИ антирусских эскапад в преддверии Олимпийских игр 2014 года заявил о себе отвратительный конфликт из-за Украины. Российское руководство подвергалось насмешкам за то, что вложило в это спортивное событие 50,8 млрд. долларов – столько, сколько стоили все предыдущие олимпийские игры за последние сто лет. США в свою очередь игры в 2002 году обошлись только двумя миллиардами долларов. Еще одно доказательство того, что экономическое мышление достигает своей вершины на крайнем Западе и в направлении Востока последовательно ослабевает. По этому поводу больше не может быть сомнений. Остается только вопрос, являются ли насмешки и издевательства правомерной и допустимой реакцией на этот феномен?

Россия не отличается особой изощренностью на экономическом плане как минимум в той же мере, в какой Германия не отличается ею на духовном плане, когда подозревает в коррупции и путинской великодержавности причины экономической неэффективности России, полагая, что, стоит только устранить эти помехи, чтобы на Востоке установилось благосостояние. И все же оба фактора относятся к упомянутому феномену, поэтому важно задать серьезный вопрос об их общей причине, причем без примеси иррациональной ненависти.

Намеки на эти причины можно услышать, например, встречаясь с русскими. Я сам преподаю немецкий язык детям эмигрантов из Восточной Европы – на общественных началах – и нахожусь в дружеских отношениях со своими русскоговорящими коллегами. Я регулярно убеждаюсь в том, что мое поведение, которое для меня настолько само собой разумеется, что находится под порогом моего сознания, благодаря противоположному поведению русскоговорящих коллег вдруг получает новое освещение. В результате кое-что из того, что я относил к своей индивидуальности, вдруг оказалось свойством моей национальной принадлежности. То же происходит и с моими партнерами. Поэтому, именно общаясь, мы можем распознать каждый свои национальные особенности и яснее осознать свои поистине индивидуальные особенности.

Я, например, хорошо помню один пышный праздник. Стол был накрыт всевозможными яствами из всех районов Восточной Европы, и вскоре я был сыт. Однако мне все снова и снова предлагались какие-то блюда. Я говорил: «Нет, спасибо, я сыт.», но хозяйева, как ни в чем ни бывало, приносили все новую еду. Мне очень любезно предлагалось отведать то или иное блюдо, а моих возражений никто не слышал. Постепенно меня это стало раздражать. Мой русскоговорящий коллега заметил это и начал смеяться. Потом он мне объяснил: «Ты исходишь из своих потребностей. Однако здесь речь вовсе не об этом. Еда это социальное событие. Хозяин истратил кучу денег, чтобы доставить тебе возможно больше удовольствия. Ты не должен есть ради себя, а ради того, чтобы дать хозяину возможность тебя одарить». Позже, на пути домой мы еще раз вернулись к этой теме. Мой коллега был убежден, что эта черта в моем поведении характерна для Запада. Вдруг он сказал: «Я восхищаюсь тем, как просто ты говоришь: «Я голоден, я сыт», и при этом всегда поступаешь именно так, как тебе подходит. Я думаю, что это капитализм». И он сказал, что хочет на мне понять, как функционирует капитализм. В этот момент это была не критика, а искреннее признание.

Кто знаком с моими теоретическими работами, тот может себе представить, что поначалу мне было трудно согласиться с ролью представителя капиталистически-западного образа жизни, но до сегодняшнего дня мне не удалось переубедить моего коллегу в этом отношении. Со временем я даже смог признать справедливость этого взгляда. Правда, это связано кое с чем другим, чем можно было бы предположить. Мои русскоговорящие коллеги само собой разумеющимся образом исходят из того, что в основе западной экономики должна лежать как минимум столь же ясная и всеобъемлющая **идея**, как в основе социализма. Когда я хочу объяснить, что капитализм основан как раз не на идее, а на инстинктах и воле, что имеет в первую очередь экономические последствия и только потом бывает сформулировано как идея, то для них это просто неприемлемо.

Особенно в Китае, но и в России можно наблюдать отголоски прежней высокой азиатской культуры. Тогда социальный порядок возникал не из потребностей и способностей отдельного человека, а как раз наоборот – отдельный человек был включен в готовый порядок, который в свою очередь был учрежден на культово-религиозной основе. Социализм основательно изгнал религию, однако только для того, чтобы перенести религиозные ощущения людей, культ на внешнюю власть. Чем дальше на восток, тем больше человек еще и сегодня готов судить о своей ценности по тому, какое значение он имеет для существующей системы. С этим связано совсем другое переживание мира идей: великие идеи, которые человек может чувствовать в своей груди, не могут быть средством для достижения цели, они суть ценность сами по себе. Идея это не просто отражение внешней действительности, она сама есть истинная действительность. В экстремальном случае это означает, что ценность индивидуальности присуща ей благодаря общей идее и потому может быть пожертвована ради нее.

Даже Путин, который отнюдь не поэт, проявляет эту выдающуюся черту восточного мироощущения. Очень жаль, что в Германии широко рекламируются речи Обамы, а из открытых выступлений Путина в лучшем случае просачиваются исковерканные видеофрагменты. Для лучшего понимания феноменов было бы полезно, если бы большее количество людей в нашей стране могли непредвзято наблюдать выступления русского президента. Путин обращается к совсем другому слою души своей публики, нежели западные политики. Обама, например, даже в своих политических речах доказывает экономическую ловкость Запада, работая непосредственно на склонности и потребности своих слушателей. В свою очередь для Путина внешние события служат скорее материалом для более поэтических выражений, которые призваны вызвать в слушателях чувство, что через президента говорит мудрость. Президент является носителем духа, и народ разделяет с ним этот дух, так как каждый пронизан **силой** той же **идеи**.¹

Такого рода сознание, с одной стороны, имеет склонность непосредственно к деспотизму, хотя это не совсем подходящее слово, так как здесь сам патриарх излучает сияние, которое ему сообщает его связь с общей идеей. С другой стороны следствием этого является также экономическая несостоятельность. Хозяйство должно как раз заботиться о правах телесности индивидуума, чтобы он имел возможность развиваться как в смысле своих потребностей, так и в смысле своих способностей. Он должен иметь возможность пережить дух не только в идее, но искать его также в инстинктах и склонностях. Для крайнего Востока игнорирование телесности опять-таки обращается в «экономическое преимущество», хотя и в сомнительное: там низкая ценность отдельной человеческой жизни становится капиталом, который дает возможность обеспечить Запад дешевыми товарами потребления.

Сила Востока заключается в том, чтобы стремиться к общности ради нее самой и измерять ценность индивидуума по его вкладу в общину. Как односторонняя крайность эта черта может стать бесчеловечной. В свою очередь как сознательно развитое качество она могла бы помочь Западу, преодолеть свою односторонность и привести к достойному человека общественному укладу. Минимальным условием для этого является восприятие и признание этой черты, чтобы вообще быть в состоянии строить отношения с Востоком. Путин заинтересован в Украине, так как он охвачен идеей единого царства. Для него важно главным образом духовное сообщество, хотя на практике этнические меньшинства часто переживают это как подавление – имеется в виду прямая противоположность экспансии, а именно интеграция, приглашение всего мира к братству со славянским миром.

Запад

В США преобладает прямо противоположная черта. В конце концов, американская империя опирается не на что иное, как на инстинкт удовлетворения индивидуальных потребностей и способностей. Это можно доказать вплоть до всех деталей хозяйственной жизни. Стоит, например, вспомнить, как возникли такие современные супер предприятия от *Amazon* до *Google*: обычно уже в ранней стадии развития идеи какой-нибудь инвестор США пускает по ветру все концепции, финансовые планы и страховки и вместо этого говорит: «Я чую всем своим существом, что этот человек будет иметь успех.» Для немецкого образа мыслей это нечто невообразимое. Немцы хотят хотя бы одной ногой опереться на какие-нибудь директивы и страховки. Поэтому в представлении американцев и англичан Германия находится намного восточнее, чем немцы хотели бы думать. Точно так же, как немцы насмеяются над Путиным из-за олимпийских расходов, в англоязычном пространстве насмеются над «глупыми немецкими деньгами». Капитал, который мало рискует и потому приносит маленький процент и, тем не менее, часто сгорает при банкротстве.

Мнение, что Средняя Европа из-за якобы «общих идей» воображает себя принадлежащей к одному лагерю с Америкой, проистекает из полного непонимания американского культурного импульса. В этом смысле поучительно сравнить работы американских и немецких неолибералов. А именно «Теория экономики» Мильтона Фридмана, например, вовсе не является теорией. Его «идеи» это, скорее, попытки решения ситуативных проблем. Хотя как таковые они продумываются с определенной перспективы и поэтому весьма односторонне, но поэтому их еще нельзя квалифицировать как неверные. В свою очередь немцы, например, Вальтер Ойкен вскоре отрываются от конкретной ситуации и дальше мыслят **ради мышления**. Результатом является закрытая «теория экономики» в собственном смысле этого слова, которая относительно действительности воспринимается как идеология – «Теория социальной рыночной экономики».

Такое обращение с миром идей соответствует больше Востоку, а Западу оно совершенно чуждо. Когда осенью прошлого года правительство США обвинило Германию в европейском кризисе, обосновав это тем, что Германия слишком много производит, можно было наблюдать смятение и растерянность, охватившее все партии. В конце концов, они же только следовали якобы общей идее инициировать в Европе конкурентную борьбу. И именно это теперь, оказывается, было неправильно? Эта растерянность никуда не денется до тех пор, пока не будут предприняты серьезные попытки понять американскую сущность. Для США не является противоречием в один момент что-то потребовать, а в другой то же самое осудить, так как суть западного сознания на самом деле суть противоположность восточного: на Западе идея есть лишь средство для

достижения цели. Она правильна настолько и до тех пор, пока она **функционирует**. Идея как таковая не представляется западному человеку в каком-то ореоле, который мог бы ее увековечить. Она является для него, скорее, выражением некоей конфигурации воли. Западный человек переживает собственно человеческий элемент не в идее, а в воле. В экстремальном случае это означает, что общий идеал это только маска низменного инстинкта и поэтому приносится в жертву ради последнего.

По этой причине, между прочим, можно сказать, что мир обязан сохранению реальной возможности свободы также США. Хотя Европа родила великих мыслителей, и эти мыслители высказали великие идеи о свободе, однако одни только идеи не ведут к свободе. Если они, как например, системы идей Гегеля или Фихте, появляются как сами по себе необходимые и к тому же способные вызвать религиозное настроение в восточном духе, то как раз идеи свободы скорее могут привести к тоталитаризму. Как ни парадоксально это поначалу звучит, но для того, чтобы добиться свободы в социальной сфере, надо относиться к идеям менее серьезно, чем это делает немецкий идеалист. Попробуйте объяснить свой идеал немцу – он сочтет необходимым мыслительно исследовать правильность этого идеала, сформировать соответствующее суждение и при определенных обстоятельствах попытается применить правовые меры против секты, которую вы по его мнению представляете. В свою очередь американец скажет: Если это для тебя **функционирует**, то это хорошее дело.» Он вовсе не чувствует необходимости самому продумывать какое-то мировоззрение, чтобы его тем не менее признать, если оно кажется жизнеспособным.

Того, за что США можно критиковать, недостаточно, чтобы объяснить их господствующее положение в мире. Оно основано, скорее, на способности раз признанные идеи и концепции пустить по ветру и вместо них спокойно признать плодотворность новых импульсов и интегрировать их в собственную систему, предоставив их авторам свободу действий ради осуществления своей идеи. США расширяют сферу своего влияния благодаря тому, что интегрируют индивидуальные способности.

Европа

Как уже было сказано, древние азиатские культуры представляют собой союзы личностей, в которых ценность человека строго определяется его положением в общем организме. На вершине общества стоят «посвященные», которые в силу своих особых способностей и посредством определенных мероприятий достигают знаний о божественно-духовном мире. Через посредство этих высокопоставленных личностей также и простой человек связан с божественно-духовным миром. Соответственно он еще не является «субъектом права» в современном смысле, но несамостоятельным членом данного общественного порядка. Европейская история в принципе суть история (еще незавершенного) выворачивания этого организма наизнанку. Постепенно за каждым человеком начинает признаваться возможность строить отношения с божественно-духовным миром без каких бы то ни было посредников. Вместе с тем люди все отчетливее чувствуют, что в определенном отношении каждый человек **равен** другому. Так возникает новая социообразующая сила – **правовая жизнь**. Вот эта-то правовая жизнь и является собственно жизненным элементом Европы. При этом, конечно, отнюдь нет речи о том, что теперь каждый человек посвящается в древнюю храмовую мудрость. Правовая жизнь возникает, скорее, именно с чувством, что дело как раз не в том, насколько отдельный человек развит или не развит в духовном отношении – божественно-духовное начало как цельность заключено в самой природе человека как такового независимо от его конкретных особенностей.

Рядом с иерархией, которая извне формирует общину, Европа представляет вторую силу, которая как бы вырабатывает общину исходя из встречи человека с человеком. Особенно все возрастающие торговые взаимоотношения позволяют иметь место многочисленным встречам, на которых постепенно формируется понятие общечеловеческих ценностей независимо от каст, рас или пола. Так рядом с божественными заповедями встает человеческий закон. Можно сказать и так: человек освобождает дух из его теократических форм, передавая его человеку как таковому. Таким образом, в сфере правовой жизни дух появляется как своего рода **полая форма**: он является одновременно и претензией, и дозволением независимо от конкретного содержания. Право личности не означает, что человек свободен осуществить ту или иную идею; человек свободен развивать то, что в нем заложено, что бы это ни было. Тем самым предпосылкой правовой жизни

является признание, что индивидуальный человек является высшей моральной инстанцией. Она предполагает, что по своей сути человек хорош. Только в том случае, когда отдельный человек в своих индивидуальных действиях каким либо образом нарушает права своего ближнего, он может быть ограничен в своих правах. Это значит, что правовая жизнь понимает человека как **становящуюся** сущность и поэтому делает его высшей инстанцией социального порядка.

Таким образом, правовая жизнь идет впереди духовной жизни. Старая духовная жизнь теряет свою потенцию. Новая духовная жизнь должна возникнуть в результате свободного развития индивидуальности. Однако этой духовной жизни еще нет. Она возникает, прежде всего, на основе **возможности чувствовать** общечеловеческие ценности. Так что в сущности правовая жизнь это мост между прошлым и настоящим. Она строит нечто, чего в настоящее время эмпирически еще не существует. В этом обстоятельстве кроются все социальные проблемы нашего времени, потому что, если с другой стороны также отсутствует понимание условий для правовой жизни, а именно, фактической свободы для развития личности, тогда в правовую жизнь входит нечто противоположное праву, а именно, норма. Тогда в ситуациях, в которых только Я может быть несущей силой, человек неизбежно скатывается в тень прошлого, к иерархическим структурам древней Азии, которые, однако, поскольку не представляют больше ничего реального, действуют против интересов индивидуальности. Это другая история Европы: так как ей не хватает соответствующей современности духовной жизни и в дополнение пригодной для будущего хозяйственной жизни, то правовая жизнь проектирует давно прошедшую духовную жизнь Азии в настоящее, из чего вырастает современное государство и, в конце концов, управленческий аппарат ЕС.

В тени Я

Историческая наука знает, как эта духовная жизнь создала почву для Римской империи, как при этом возникшие формы управления потом абстрагировались и во взаимодействии с католической церковью родили современный государственный аппарат. С Пипином младшим «домоправитель» (остаток от римского государственного аппарата) восходит на королевский трон и под влиянием католической церкви начинает заменять выросшие персональные объединения раннего Средневековья механизмами управления по античному образцу. Карл Великий вводит области управления («*ducatus*») по примеру Константина и подчиняет их управленческому аппарату. Таким образом, осуществляется повторение ранних общественных форм, которые все больше облекаются в юридически-логические понятия. В средневековой Европе почитаются римские правовые институты как «*ratio scripta*» («написанный разум»). Из изучения римских правовых норм постепенно возникает кодифицированное право, которое применяется к внешней жизни. Интересно, что в 17 и 18 веках чувство справедливости приводит к конфронтации с этим «книжным правом», и рядом с римским правом возникает так называемое «новейшее натуральное право».

Я хочу на примере истории священной коровы немцев – объединения – кратко характеризовать суть этой конфронтации и таким образом пояснить основную проблематику европейской истории. Учение о натуральном праве вводит понятие «моральной личности (лица)» или «*persona mystica*». Имеется в виду нечто более высокое, чем отдельный человек, что формируется, когда люди свободно действуют совместно, и поэтому много людей может быть рассмотрено как одно существо. Абсолютно само собой разумеющимся образом такое понимание права исходит из права на формирование таких объединений, однако тогда, в отличие от нашего времени, не требовалось их **признания со стороны государства**. При таком понимании права государство и **не может** признавать персональные объединения, поскольку не общность людей, а только индивидуальный человек вступает в отношения с государством. Общность всегда остается результатом совместной деятельности индивидуальностей и не отделяется от них как современное «юридическое лицо». С выходом членов исчезает и объединение личностей – с новыми членами он не остается тем же объединением.

Римское право знало такие объединения лишь в самом зачаточном состоянии. Они основывались, скорее, на противопоставлении граждан и общества. Однако решающим для дальнейшего развития права является то обстоятельство, что в древнем Риме под «гражданином» подразумевалась отнюдь не индивидуальность. Полноправным «гражданином» в римском смысле был старший член семьи вместе со своими несамостоятельными домочадцами и всем своим имуществом:

ремесленниками, женщинами, рабами, детьми и землей. Даже взрослый сын этого гражданина мог вообще что-либо иметь только после смерти своего отца. Все, что он до тех пор покупал, автоматически переходило в собственность последнего. Римские правовые институты создавались на основе той духовной жизни, которая в определенной мере выростала как чисто природный процесс на почве кровных уз и земельной собственности. Наименьшее единство суть не индивидуальность, а род.

В свою очередь в учении натурального права 17 и 18 веков появились признаки того, что правовое чувство человека уже начинает, так сказать, кое-что чужать о существовании общности, которая одновременно является свободным деянием отдельных людей. Понятие индивидуальности постепенно втекает в общее понятие человека. И теперь происходит нечто замечательное, что бросает яркий свет на загадку жизни современного человека. Дело в том, что этот процесс в определенной мере означает одновременно собственное уничтожение. Вскоре человек начинает переживать в себе Я столь сильно, что оно обретает склонность **подвергать сомнению** духовные продукты учения о натуральном праве. Ему опять-таки не удается найти нечто реальное в пределах своей сущности, и «право» вдруг оказывается чем-то «просто» субъективным. ² Пока Я ищет точку опоры вне себя самого, в которой он хочет видеть источник права, наряду с учением о натуральном праве появляется историческая (и позже также позитивистская) теория права. Она обращается к исторически сложившемуся понятию права и пытается правовые традиции прошлого кодифицировать для будущего. Поэтому в 19 веке римское понятие «*ratio scripta*» переживает свой триумф и вытесняет натуральное право.

Наука о пандектах (исследование «Пандектов» - собранных кайзером Юстинианом в 533 году римских правовых предписаний) переходит к созданию для немцев единого закона, т.е., Гражданского юридического кодекса. Подобные попытки предпринимаются повсюду в Средней Европе. При этом специалисты по римскому праву пытаются подчинить государственной управленческой структуре также и «*persona mystica*». Таким образом, они применяют римское право, которое еще вовсе не знает свободных объединений личностей, к таким объединениям. Они в определенной мере связывают субъект права в римском смысле с современной реальностью, когда интерпретируют «*persona mystica*» по-римски, то есть иначе, чем полагают приверженцы натурального права. Они полагают, что объединение личностей существует также независимо от конкретных личностей, что это своего рода «фиктивный» гражданин, связанный с определенным «субстратом». Этот фиктивный гражданин продолжал бы существовать и в том случае, если бы состоящие в нем члены были полностью заменены. И фиктивный гражданин, естественно, может существовать только вследствие признания его государством. Кроме того, чтобы быть признанным, он должен предъять совершенно определенные формы, например, он должен обязательно иметь правление итд. Так в 19 веке как новое правовое-техническое понятие возникает «юридическое лицо» - фиктивная личность, которая вместо индивидуальности (якобы) несет ответственность и сегодня как «концерн» или «учреждение общественного права» принимает решения и может быть привлечена к ответственности.

Что на Востоке, несмотря на весь материализм, еще предстает в сиянии спиритуального просветления, то в Средней Европе деградировало до некоего юридически-механического аппарата гигантского масштаба. От права отдельных людей на объединение до правления ЕС социальная жизнь включена в некий «демократический» порядок, который определяет все частности жизни от формы огурцов до воспитания детей в раннем возрасте. Это и составляет своеобразие сегодняшней конфронтации ЕС с Россией: друг против друга стоят два аппарата, которые на самом деле по существу родственны друг другу.

Кому служит ЕС?

Европейский управленческий аппарат является своего рода юридическим одеянием для некритического формирования древнеазиатской иерархии. Таким образом, в ЕС с одной стороны представлен Восток. И в этот корсет, с другой стороны, включен Запад. В результате хозяйственная жизнь или экономика обрела формы, которые не соответствуют ее сущности.

Именно хозяйственная жизнь до сих пор не смогла обрести соответствующую ей социальную форму, а напротив, была втиснута в исторический остаток восточного социального уклада. В

результате собственно жизненный элемент Европы – правовая жизнь – был коррумпирован: с одной стороны, это оболочка для не подвергаемой сомнению веры в авторитет, с другой стороны, корсет для хозяйственной жизни.

Однако особенность хозяйственной жизни такова, что она того, кто пытается всунуть ее в корсет вместо того, чтобы создать для нее соответствующую форму экономики, захватывает целиком и влечет за собою: если решая, что, где и как должно производиться, люди руководствуются юридическими формами, то в результате сама юридическая сфера становится предметом экономических интересов, то есть коррумпирована. И наоборот, если государство ничего не решает в хозяйственных вопросах, то лобизм не имеет никакого смысла. Это означает: **поскольку** хозяйственной жизнью пытаются управлять некое супер-государство, то вся государственная жизнь становится жертвой экономики. В этом смысле ЕС вполне можно рассматривать как западный проект. Но этот проект заключается как раз в том, чтобы навязать европейскому сообществу восточный элемент, который США у себя никогда бы не потерпели, таким образом, чтобы все европейское пространство могло контролироваться через немногие узловые пункты. Таким образом, интересы западного капитала и восточная диктатура управления формируют очень прибыльный симбиоз. Если, например, Goldman Sachs & Co открыто требуют от ЕС спасти тот или иной банк, то ЕЦБ должен его спасать, вовсе не следуя каким бы то ни было формальным указаниям. Если бы он вздумал игнорировать совет западной финансовой элиты, евро тотчас претерпел бы снижение курса. В условиях современного хозяйствования ЕС **не может** поступать иначе, чем задействовать свой юридический управленческий аппарат так, как это соответствует интересам западного капитала.

Кто приравнивает Европу к США и идентифицируют их как партию «Запада», тот абсолютно не понимает ситуацию. США это Запад, а Европа **хочет** быть западной страной. Европейцы берутся за дело с почерпнутым из учебников представлением о западных ценностях и интересах и поэтому производят весьма неубедительное впечатление, чтобы не сказать больше, на носителей этих интересов как живого импульса. В этом состоит вся трагикомичность роли ЕС в кризисе вокруг Украины. Генри Киссинджер, который как никто другой стоит за западную политику, говорит о роли ЕС в этом конфликте: «Европейскому союзу пора бы понять, что его бюрократическая волокита и подчинение всех стратегических элементов внутривнутриполитическим соображениям привело к тому, что из отношения Украины к ЕС возник капитальный кризис. Внешняя политика, в конце концов, это искусство выдвигать приоритеты.»

Европейцы не могут действовать в этом конфликте иначе, чем наполовину по-западному, наполовину экономически. Поэтому они не понимают, в чем заключается «стратегический элемент» политики Запада. Таким образом, и счет фонда Фридриха Эберта является лишь под-счетом в балансе истинного Запада, который по истечении срока этот счет закроет, причем с прибылью.

Как же рассчитывает фонд Фридриха Эберта? Украина будет поставлять сырье и зерновые даже в страны третьего мира. А потреблять она будет технологии и продукты индустрии из Германии. В любом случае это возможно только через кредиты. Поэтому на деле этот расчет означает, что украинцы влезут в долги ради того, чтобы Средняя Европа могла продать свои продукты, и за это они заложат свою землю. Будет создан пузырь, куда сможет утечь горячий воздух из Южной Европы, пока и он лопнет. Ясно как на ладони, что от этого опять-таки выиграет тот «глобальный игрок», который обладает наиточнейшим экономическим инстинктом. Но это, скорее, только второстепенное поле действий. ЕС с его половинчатостью еще в другом смысле становится подсобником западного капитала в достижении его целей, а именно тем, что ЕС продвигает сферу западного влияния непосредственно к границам России, выталкивая Россию из Европы и привязывая ее к Китаю. Европейские политики не осознают этого и, тем не менее, это ключевой момент западной стратегии: «Без Украины Россия уже не может быть евроазиатской державой. Она, конечно, может продолжать стремиться к имперскому статусу, но тогда она бы стала в основном азиатским царством, которое по всей вероятности было бы втянуто в парализующие конфликты с жителями Центральной Азии, которые не признали бы утрату своей только что достигнутой государственной самостоятельности и в этом смысле получили бы поддержку других исламских государств на юге. Решающим моментом – и этого нельзя забывать – является то, что без Украины Россия не может принадлежать к Европе, в то время как Украина без России вполне

может стать частью Европы». Это мнение бывшего советника по вопросам безопасности Джимми Картера Збигнева Бржезинского, высказанное им в 1997 году.

Россия хочет приблизиться к Европе. Однако ничто в такой степени не угрожало бы западной стратегии роста как свободная демократическая Россия. Такая Россия, вступив в союз со Средней Европой, могла бы нарушить диалектику между Востоком и Западом. С одной стороны, в свободной демократической России наряду с восточными импульсами могли бы заявить о себе также истинно славянские импульсы, которые, достигнув взаимопонимания со среднеевропейскими импульсами, неизбежно способствовало бы объединению народов. С другой стороны, среднеевропейский индустриальный и торговый капитал в связи с восточно-европейским ресурсным капиталом могли бы обеспечить хозяйственный организм, который мог бы действовать в значительной мере независимо от западного денежного капитала и военно-индустриального комплекса Запада. Этот жуткий для Запада сценарий описал британский геополитик Хальфорд Макиндер уже в 1904 году в своей статье «*The geographical pivot of history*» (географическая ось истории), которая, как известно, позже стала ведущей линией западной политики во время холодной войны. Хотя и не во всех деталях, но вполне в своих основных чертах этой линии и сегодня, к тому же более чем когда бы то ни было, придерживается западная политика.

ЕС несомненно действует по сценарию западных стратегов: он запутывается в навязанной Западом диалектике, обзывает Путина деспотом и внедряется в Украину, создавая там национально и праворадикально настроенные группировки. В результате Путин вынужден отдалиться от Европы и ориентироваться на Китай. Сейчас в Европе ведутся лихорадочные работы с тем, чтобы отрезать Украину от энергоснабжения из России, а также по ограничению зависимости Европы от российских нефти и газа. Благодаря этому Европа будет более тесно привязана к арабским источникам энергии, которые находятся под контролем США, и втянута в военные очаги на Ближнем Востоке. В свою очередь Россия будет **вынуждена** продавать Китаю, причем по любой цене. Россия попадет под контроль Китая и таким образом китайская граница достигнет непосредственно Европы. Поляризация сил Запада и Востока усилится, так как между ними больше не будет выравнивающего посредника, что, как сказано, несет экономическое преимущество США и Китаю.

Свободная Россия и свободный Китай не отвечают интересам США. При этом совершенно неважно, существует ли какая-то сознательно сформулированная доктрина с теми или иными требованиями – интерес обусловлен просто-напросто фактом существования современной экономической системы: США экзистенциально заинтересованы в противостоянии некой восточной системы, так как западный капитал и китайский тоталитаризм формируют под поверхностью «политики» симбиоз. Китай является основным поставщиком США. Торговый баланс США по отношению к Китаю составил в 2013 году 318 млрд. \$ США, то есть на эту сумму импорт из Китая превысил экспорт в Китай. Таким образом, поток товаров течет в одном направлении с Востока на Запад и, благодаря столь огромному спросу на Западе на произведенные в Китае товары, Китай стал участником мирового рынка и может скопленные доллары реинвестировать, например, в американское государство. Со своими 1,3 миллиардами долларов он является самым большим кредитором бюджета США. В свою очередь, благодаря дешевым товарам потребления из Китая, США могут направить больше средств в сферу развития технологий, услуг и на укрепление военной мощи. Кроме того, огромный китайский кредит позволяет держать налоги на низком уровне. В то же время Китай копирует технологии и с их помощью становится основным снабженцем Запада. **Запад экономически живет за счет того, что на Востоке человеческая жизнь ценится очень дешево, а Восток за счет того, что на Западе главной ценностью является счастье отдельного человека.**

Западный человек руководствуется в своих действиях непосредственными требованиями экономических фактов. Поэтому не имеет смысла осуждать экономическую ориентацию США и требовать от их политиков чего-то иного, чем следования этой сущности Западного мировосприятия. Тем самым можно было бы только доказать, что осуждающий сам живет в представлениях и не готов считаться с фактами. Скорее надо было бы попытаться понять ту логику фактов, которая западному человеку вложена в его инстинкты. Важно было бы в первую очередь в принципе признать, что западная ориентация связана со способностью, до которой Европа никогда не дорастет. Полное осознание и признание западного импульса должно было бы стать первым шагом к тому, чтобы со своей стороны разобраться в этих фактах с помощью **мышления**.

Пусть это мышление всегда будет в известной степени отставать от упомянутого инстинкта и вряд ли будет в состоянии отодвинуть или устранить США с мировой арены, зато оно могла бы сотворить новые факты, с которыми Западу пришлось бы считаться так же, как он считается с фактами современной формы хозяйствования. В этом все дело: создать в Средней Европе факты, которые не опираются на враждебность Востоку, но которые, тем не менее, могли бы быть подхвачены западным инстинктом экономической плодотворности и развиты дальше.

Задача Европы

Европа могла бы взять на себе функцию посредника, преодолевающего полярность, а именно, сознательно погружаясь в психологию обоих полюсов и открыв в напряженных отношениях третий элемент – правовой, в котором люди живущие сегодня снова найдут себя. Этот третий элемент может построить мост между Востоком и Западом. Если это не удастся, то Европа будет растерта между этими обеими силами. В результате Восток и Запад столкнутся «лбами» без какой бы то ни было возможности взаимопонимания. На самом деле именно таковой является современная ситуация. В ЕС обе эти тенденции в определенной мере сплетены между собой, но так, что они парализуют друг друга и исключают третью, которой только еще предстоит сформироваться как качеству собственно середины. Поэтому задача Европы состоит в том, чтобы понять себя в среднем элементе, в правовой жизни и начать действовать в ее смысле, выбросив из государственной сферы, с одной стороны, духовную жизнь и с другой – хозяйственную. Это значит **предоставить духовной и хозяйственной жизни такие формы, которые они могут плодотворно использовать, потому что они им соответствуют.**

Здесь можно только намекнуть на то, что это значит в частности. Это значит, что духовная жизнь, все, что как-либо связано с вопросом авторитета – кто для кого что-нибудь значит для развития его способностей и навыков – должно определяться каждым человеком свободно. Это право должно быть признано в такой же мере, как и всеобщее право. Но чтобы свободный и сознательный выбор учителя был возможен, взаимоотношения с ним не должны быть основаны на обладании или необладании правом учить, а единственно на добровольном признании его компетенции. Необходимо иметь возможность выстраивания таких иерархий, в которых определенный человек находится «наверху», то есть в качестве учителя, постольку и до тех пор, пока он пользуется **добровольным признанием** в соответствующей сфере и чьи суждения являются приемлемыми для тех, кто **свободно и добровольно** согласны их принять. Тогда духовная жизнь освобождается от скелета своего азиатского предшественника и постепенно обретает формы, соответствующие сознанию современного человека.

Только такая культурная и духовная жизнь, в которой структурирующе действуют не экономические или юридические факторы, а исключительно духовно-познавательные точки зрения, может пробудить на Востоке истинный интерес к идее свободы. Во-первых, это докажет плодотворность правильно понятой индивидуальной свободы для общества. Восток наиболее болезненно переживает иссякновение прежних источников духовной жизни. Во-вторых, такая духовная жизнь позволит настолько сконцентрировать индивидуальные силы, что восточный человек сможет то, что Запад понимает больше инстинктивно, выработать как осознанное знание. Поэтому в сложившейся ситуации желательно, чтобы и Европа, и Россия, и Украина освоили **поистине** экономическое мышление. Это было бы мышление, которое погружается в логику фактов таким образом, чтобы во всех деталях понять, как жизнь одной страны экономически связана с жизнью другой и какое место каждое отдельное предприятие занимает в конфигурации мировых производственно-потребительских отношений. Это было бы мышление, которое отражает как раз не односторонние частные интересы и производит только односторонние расчеты, но которое может полностью и до конца продумать весь мировой хозяйственный организм. Из хозяйственно-материальных отношений может выкристаллизоваться всеобъемлющая **идея**, которая была бы благоприятна для всех участников. Как **понятие** мирового хозяйства она бы предстала в связи со всем космосом человеческих идей. Стало бы видно, что на самом деле это один и тот же духовный элемент, который в восточном человеке живет как идея, а в западном как инстинкт. На самом деле принцип мировой экономики в своем истинном облике суть не что иное, как реализованный принцип **братства**, который от всей души пытается осуществить Восток.

С такой - справедливой идеей хозяйственной жизни можно было бы смело идти на встречу с Востоком. На Востоке поначалу можно было бы встретить понимание не столько на хозяйственной, сколько на духовной почве, но тогда в создавшейся доверительной атмосфере можно было бы со своей стороны сказать нечто духовно содержательное о хозяйствовании. Вместо этого Запад выступает против Востока с голым инстинктом. Нельзя поддаваться безумию предлагать Востоку спекулятивные сделки. Одна-другая сделка может оказаться удачной, однако тот, кто обращается к Востоку прежде всего с хозяйственным интересом, одновременно доказывает, что духовно значительно отстает от восточного человека. Там, где человеческое Я говорит не напрямую, а через экономический интерес, оно должно быть отвергнуто Востоком. Восток испытывает оправданное недоверие к откровенно демонстрируемому индивидуализму европейцев – ведь его разъедающее действие на социальную жизнь не требует особых доказательств. Поэтому было бы важно доказать, что из Я снова можно найти путь к духовной общности. Но для этого нам надо продемонстрировать Востоку культуру, в которой Я выступает уже не в маске экономического интереса, а говорит непосредственно как человек с человеком.

В свою очередь относительно Запада нужно стремиться к противоположному. Как Востоку необходимо предъявить материально-хозяйственные отношения в свете плодотворной, достаточно развитой идеи, так западному человеку эти материально-хозяйственные отношения надо бы преподнести таким образом, чтобы он смог усмотреть в них духовную мудрость. Для хозяйственной жизни, которая сегодня зажата в жесткий корсет государственно иерархических структур, должна быть найдена форма, которая соответствует ее сущности. Тогда эта хозяйственная жизнь, которая сегодня сдерживает бесконечно много продуктивных сил, превратилась бы в несказанно плодотворную и эффективную. Тогда западный человек смог бы увидеть и понять всю космологию хозяйственной жизни, некий закон, живущий в фактах, который позволяет воспринимать индивидуальную жизнь как составляющую мирового процесса. На этой почве Запад может встретиться с Востоком на благо всему мировому сообществу.

На Востоке Я включено в социальный порядок. Индивидуальность обретает свою ценность в зависимости от ее участия в достижении высшей идеи сообщества. На Западе социальный порядок является следствием индивидуального деяния. Социальный порядок оценивается по тому, как он способствует личному счастью индивидуума. Европа должна встать в это напряженное поле и, глядя с Востока, обнаружить дух в Я, а с Запада подвести Я к духу. Тогда Запад снова найдет в своих действиях всеобъемлющую идею, и Восток переживет во всеобъемлющей идее участие индивидуальной воли. В свою очередь Европа в этом ритмическом колебании между духом внутри и духом снаружи достигнет чего-то совершенно нового: чувство понимания человека как такового, как существа, которое развивается, попеременно обращаясь то к телу, то к духу. Впервые будет развито **правовое чувство**, которое заслуживает такое название. На его основе будет сформулировано понятие права, содержанием которого будет сегодня живущий человек, и оно будет защищать этого человека, добиваясь равновесия между духовными и экономическими интересами всех членов общества.

Кто понимает демократию в этом смысле, занимает в мире совсем иную позицию, нежели тот, кто исповедует свободно-демократический порядок только на словах. Несомненно, на первый взгляд **справедлив**, например, упрек со стороны религиозных фундаменталистов, когда они говорят, что, любой, кто погрузится в жизнь европейских городов, не может отрицать, что претензия на свободу поначалу опускает человека ниже его человеческого достоинства и позволяет ему стать более животным, чем само животное. И так как фундаментализм в этом случае говорит правду, то битва с фундаментализмом будет проиграна, если ему можно противопоставить только некую идеологию. Фундаментализму можно противопоставить только одно: практическое доказательство того, что человек, поистине осознавший свою свободу, может снова обрести свое достоинство и осуществить соответствующий общественный порядок.

Будущее Украины

О ситуации на Украине курсируют в основном два мнения. Одно говорит, что украинские «революционеры» освобождают Украину от русского засилья, второе, что Украина захвачена право-радикальными силами, которые Запад поддерживает из своих экономических интересов. Обе картины сами по себе неверны, а вместе и частично вполне правильны. Было бы несправедливо

квалифицировать совершившуюся на Украине революцию только как государственный неонацистский переворот. Хотя при силовых актах, финансируемых Западом, вперед выдвинулось право-радикальное крыло и вполне возможно, что теперь на политическую перестройку Украины будут сильно влиять националистические и право-радикальные силы, однако широкие массы населения вышли на улицы ради другого. Украинский народ был вынужден десятилетиями терпеть лишения, которые в Средней Европе трудно себе представить. Сегодня на Украине ситуация напоминающая «пражскую весну» 1989 года. Деятели культуры, студенты, рабочие – люди всех слоев общества вдохновились идеей свободного, достойного человека общества. «Свобода» здесь не является категорией некой теоретической «системы ценностей», это революционный импульс – украинцы чувствуют зарождение нового общества будущего как источник, который вновь подарит им жизненную силу.

Естественно, для этого импульса воли и чувства еще нет названия. Само по себе стремление к свободе еще не ведет к ясному самопознанию, к пониманию свободы или даже к представлению о том, что должно произойти в отдельных случаях для того, чтобы совместная жизнь на самом деле стала более свободной. Импульс свободы действует в первую очередь на уровне инстинкта, и до тех пор, пока он живет под порогом человеческого сознания, он представляет собой наиболее темную силу в человеке. Слово «свобода» пробуждает мощные эмоциональные силы, которые эруптивно прорываются на поверхность, и могут быть использованы теми, кто умеет их мотивировать в своих интересах. Так происходит, например, когда с понятием «свобода» связывается понятие «кровных уз» или «самоопределения наций».

Свобода на своем пути к свету сознания должна пройти сквозь мрак национализма. Оставив религиозно-духовную общину, дух которой в определенной мере еще витает над Землей, человек поначалу находит некое ее замещение в нации. Тот связующий элемент, который он некогда переживал в духовно обоснованной общине, теперь должен опираться на кровь и почву – каждому народу свое государство. Поэтому после распада церковных связей Европа неизбежно должна была пережить фазу национализма. Эта судьба коснулась и бывших стран СНГ, и сейчас она же угрожает Украине. Запад объявил национализм (право наций на самоопределение) неприкосновенной доктриной и регулярно ведет войны во имя этой доктрины. На Украине очередной раз подтверждается чудовищность так понимаемого «самоопределения».

Признаком национализма является спроецированная вовне идентичность культурной общины, экономической общины и государственной общины. Однако сам себя понимающий импульс свободы стремится к трехчленной системе управления. Государство как раз не должно быть адвокатом одной определенной народной культуры, оно должно быть нейтральным относительно культуры всех населяющих его граждан. Так как, если преимущественное право принадлежит одной из населяющих страну национальных культур, то это неизбежно ведет к несправедливости относительно других. Поэтому реально существующее демократическое государство должно исключить из сферы своего влияния всю культурную и духовную жизнь, чтобы она не смешивалась с государственными интересами, но развивалась соответственно своим собственным силам. Демократическое государство должно защищать не какое-то особое культурное **содержание**, а право индивида на создание любого содержания. Точно так же оно должно исключить из сферы своей компетентности хозяйственную жизнь, чтобы она могла развиваться в соответствии с присущими ей закономерностями. Тот факт, что сегодня государственная власть является гарантом экономических претензий народов, провоцирует тенденцию к постоянному ведению войн. Если бы экономические интересы сформировали взаимосвязи между различными странами независимо от государственного диктата и границ, тогда на место национальных конкурирующих экономик пришла бы мировая взаимовыгодная экономика.

Протесты на майдане сначала не были ни антирусскими, ни прозападными. Национально-экономические интересы Запада направили этот правомерный импульс к свободе в это русло. Украинскому народу можно пожелать попытаться понять интересы, связанные с деньгами ЕС и ВВФ, и совершенно независимо от дальнейшего преобразования своего государства строить свои хозяйственные отношения с Россией и Европой в соответствии с **поистине** экономическими соображениями. Такие связи возможны, несмотря на препятствия со стороны государства, если будет достигнуто соответствующее понимание присущей этим отношениям своеобразной логики. Национально-экономические интересы стран ЕС действуют только постольку, поскольку

работающие люди находятся во взаимно конкурирующих условиях. Однако таможи, дотации, предписания по приватизации и давление процентных ставок не имеют никакого влияния на экономическое сообщество, члены которого организуют свою деятельность на принципах кооперации, невзирая на государственно протезированную идеологию конкуренции.

С другой стороны украинцам можно пожелать создать для своих народных и культурных интересов независимую от государства почву, чтобы Украина могла стать государством для всех свободлюбивых народов. Пусть даже государственная жизнь страны будет контролироваться экономическими интересами отдельных европейских национальных экономик, никто не может запретить украинцам независимо от этого углублять культурные связи с русским народом в свободном диалоге, чтобы то, что сегодня вырывается из инстинктивного стремления к свободе, могло стать сознательно формируемой действительностью.

¹ Ни немецкие СМИ, ни правительство Германии не удосужились перевести на немецкий язык речь Путина по поводу присоединения Крыма к России. За то, что она все же доступна и в Германии, мы должны быть благодарны частному ангажементу нескольких граждан.

² Я рассматриваю натуральное право как исторический синдром в обозначенном здесь смысле. Поэтому было бы недоразумением видеть во мне приверженца учения и природном праве. В нем действительно отсутствует осознание того, что право как раз не может быть сконструировано исходя из индивидуальности. Для этого нужна встреча разных индивидуальностей и поэтому оно «исторично». В историческом рассмотрении общества опять-таки теряется индивидуально-духовное, которое на самом деле является двигателем истории. В моем личном понимании права было бы учение о природном праве, которое интегрирует историческую и позитивистскую перспективу так, что оно может проследить индивидуально-духовное уже не только в деятельности самого индивида, но и в определенной мере как привходящее извне. Нет никакого противоречия в том, что человек приносит право с собой на Землю, как полагает природное право, а с другой стороны, развивает его именно в историческом контексте, на чем настаивает историческая теория права. Оба учения являются, скорее, двумя сторонами одного и того же процесса.